УДК 316.4
JEL J24, J50, J83
DOI 10.25205/2542-0429-2019-19-2-116-130

Преодоление как фактор Дискурсивное ситуирование субъекта труда в пространстве промышленного производства (социосемиотический анализ)

В. Ю. Комбаров

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Представлены результаты продолжающегося исследования инженеров российских промышленных предприятий, первые результаты которого были опубликованы в журнале «Мир России» в 2015 г. На основе данных качественного социологического обследования работников сибирских промышленных предприятий (первая серия глубинных клинических интервью) сделаны выводы о том, что основным вариантом становления отечественных инженеров субъектами труда является *профессиональное самосовершенствование через преодоление* ими специфических институциональных ограничений в трудовой деятельности: устаревшее оборудование, нехватка запчастей, непрофильность заданий и дефицит времени. Распространенной социальной практикой, в русле которой это становление процессуально разворачивается, является конструирование новых изделий и запчастей во многом *для нужд самого производства на предприятии*, *нежели для рынка продукции*, из подручных, старых и отработанных материалов и агрегатов, что приводит к простоям и снижению производительности труда, а на структурном уровне выражается в сохранении ситуации status quo на предприятии – производительная сила персонала расходуется на экстенсивное поддержание производственных мощностей, используется вхолостую – часть ее направляется на развитие производства, его модернизации и увеличения качественно-количественных показателей продукции, производства новых видов изделий труда. Ситуация характеризуется асинхронностью механизма функционирования производства на предприятиях: совершенствуя личные профессиональные качества за счет смекалки и находчивости, инженеры, тем не менее, не в силах ликвидировать технологическое отставание производства от нужд промышленности в объемах и качестве товаров. Механизм становления субъектом изучается через призму семиотического анализа *речевых практик субъектов труда как дискурсивного означивания* инженерами реальной сферы производственных отношений в языке. Институт труда рассматривается как совокупное пространство дискурсов по поводу производственных отношений. Субъект репрезентируется как зарождающийся на пересечении двух основных социальных институтов – языка и труда; как становящийся в пространстве смещения и перехода «от реального – через соблазн – к фантазму» и обратно.

Ключевые слова

субъект труда, глубинное интервью, становление, социосемиотика, развитие, преодоление

Источник финансирования

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН проект XI.179.1.3 «Российское общество в движении: институциональная среда, структуры, практики и субъекты социальных изменений» АААА-А17-117022250126-1

Для цитирования

Комбаров В. Ю. Преодоление как фактор. Дискурсивное ситуирование субъекта труда в пространстве промышленного производства (социосемиотический анализ) // Мир экономики и управления. 2019. Т. 19, № 2. С. 116–130. DOI 10.25205/2542-0429-2019-19-2-116-130

© В. Ю. Комбаров, 2019

Transgression as Factor. Discursive Situation of Subject in the Space of Industrial Production (Social Semiotics Approach)

V. Yu. Kombarov

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article investigates modes of becoming of subject of work of Russian industrial engineers. Based on the data of a qualitative sociological survey of workers at Siberian industrial enterprises (the first series of focused interviews), it was concluded that the main modus for the becoming of engineers as subjects of labor is professional self-improvement through overcoming their specific institutional constraints in working life: outdated equipment, lack of spare parts, non-core tasks and lack of time. A common social practice, in line with which this development is procedurally unfolding, is the design of new products and spare parts largely for the needs of the production itself at the enterprise, rather than for the product market, from improvised, old and used materials and aggregates, which leads to downtime and reduced productivity, and at the structural level is expressed in maintaining the status quo situation in the enterprise – the productive force of the staff is spent on extensive maintenance of production capacity , is used idle – part of it is directed to the development of production, its modernization and increase of qualitative and quantitative indicators of products, the production of new types of products of labor. The situation is characterized by the asynchronous nature of the mechanism of production functioning at enterprises: while improving personal professional qualities at the expense of ingenuity and resourcefulness, engineers, nevertheless, are not able to eliminate the technological lag of production from the needs of industry in the volume and quality of goods. The mechanism of becoming a subject is studied through the prism of a semiotic analysis of the speech practices of the subjects of labor as a discursive designation by engineers of the real sphere of production relations in a language. The institute of labor is considered as an aggregate discourse space about production relations. The subject is represented as originating at the intersection of two main social institutions – language and labor – as becoming subject in the space of shifting and transition "from temptation of the real – through the symbolic – to the phantasmic" and back.

Keywords

subject of work, focused interview, becoming, socio-semiotics, development, transgression

Funding

The research was carried out with plan IEIE SB RAS project XI.179.1.3 "The society on the move: institutional environment, structures, practicians and subjects of social changes" AAAA-A17-117022250126-1

For citation

Kombarov V. Yu. Transgression as Factor. Discursive Situation of Subject in the Space of Industrial Production (Social Semiotics Approach). *World of Economics and Management*, 2019, vol. 19, no. 2, p. 116–130. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0429-2019-19-2-116-130

...и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего...

(Рим. 12:2)

Введение

Голос человека труда в наше время почти не различим в разнообразных потоках информации, особенно в тех из них, которые претендуют на эксплицитное содержание смысла: средства массовой информации не балуют рядовых тружеников промышленных предприятий своим вниманием, массовый поток научных исследований тоже обходит их стороной, официальная статистика в нагромождении статистических данных во многом воспроизводит точку зрения властных элит на социально-экономическое положение отдельных профессиональных групп и на ситуацию в различных секторах промышленности в стране, экономическая статистика оперирует данными в основном также из официальных источников, в кото-

рых не отражаются должным образом ни особенности сложных схем оплаты труда, ни незарегистрированные рабочие забастовки; данные по реальным задержкам выплат заработной платы и нарушениям условий труда тоже имеют дефицитный характер. Спорадические вспышки проявления рабочего духа в этих областях знания не оформляются, тем не менее в полнокровный дискурс авторов, чья основная деятельность, хочется отметить, формирует остов современной российской экономики, – несмотря на солирование газово-нефтяного добывающего сектора и расширяющейся сферы услуг, доля обрабатывающего производства в структуре ВВП российской экономики по-прежнему имеет наибольший вес – 66 %, 20 % из которых приходится на производство машин и оборудования, а около 15 % – на производство готовых металлических изделий [1]; а доля работников, занятых производством в промышленном секторе экономики России, тоже 20 % [2]. Новосибирские предприятия, относящиеся к этим двум областям отечественного промышленного производства, являются полигоном моих социологических исследований, начиная с 2009 г. Так каковы же в своем социологическом измерении реальные труженики российской производящей промышленности? В ком персонифицируются современные нам производительные силы реального сектора экономики?

Информационная база и особенности метода исследования

В данной статье я попытаюсь предоставить возможность инженерам новосибирских промышленных предприятий конституироваться в качестве полноправных субъектов дискурса труда, в частности, обрамляя его научным языком социологии. Актуальность продолжающегося исследования, по-прежнему обусловлена непрекращающимися попытками модернизировать российскую экономику, качественно усовершенствовать сектор реального производства промышленных товаров. Исследование, проведенное мной вместе коллегами в 2009–2010 гг. на крупных промышленных предприятиях Новосибирска, выпускающих машины и оборудование, выявило ряд типологических социальных черт тружеников промышленности, проявляющихся под воздействием ряда факторов производственного и общебытийственного характера: вера в лучшее, стремление к профессиональной самореализации и творчеству в труде субъективно актуализировались респондентами на фоне их объективной общей социальной неустроенности, несправедливого уровня оплаты труда, отчужденности от среднего руководства и полного отчуждения от генеральной дирекции, депривированности в удовлетворении ряда базисных потребностей: в качественном питании, безопасности, отдыхе, жилье; первоочередным фактором, сдерживающим профессиональное развитие инженеров, выступал процесс стремительного устаревания оборудования [1]. Отработавшие свое станки и другие производственные мощности позволяли работникам с трудом и с потерями в качестве выходить на норму выработки, а о выпуске новых видов продукции надлежащего качества речь шла в перспективе.

Получив довольно содержательные данные о типологии инженеров в ее привязке к социально-экономическим факторам, к условиям и характеру труда на предприятии по результатам предыдущего исследования, я, тем не менее, пришел к выводу, что феноменология субъектов труда этой страты работников не может быть досконально понята и объяснена без применения методов качественного анализа, более чувствительных к флуктуациям человеческой субъектности и перипетиям субъектно-объектных отношений, складывающихся в процессе взаимодействия (взаимовлияния) работника с технической средой на предприятии, руководством, с жизненным миром за пределами «железной клетки» производства.

Процессуальная природа субъекта, его ситуирование в социальном пространстве посредством языка требовало адекватного социологического метода изучения этого феномена, ко-

[1] Объем отгруженных товаров собственного производства. Росстат. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/ business/prom/otrguzka_ZDE.xls (дата обращения 24.12.2018).

[2] Ситуация на рынке труда. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/situaz.pdf (дата обращения 24.12.2018).

торый удовлетворял бы двум основным критериям: во-первых, в полном объеме фиксировал бы устный нарратив инженера как дискурсивный вариант профессиональной истории и жизненного проекта, во-вторых, был бы гибким, чувствительным к нюансам изложения, способным подстроится к спонтанностям дискурса и последовать за ним в новом неожиданном направлении.

Так, глубинное интервьюирование как качественный метод анализа позволило, с одной стороны, рассмотреть изучаемое явление более сфокусированно, а с другой – более полно высветить нюансы и грани изучаемого объекта на общем онтологическом фоне респондента, нащупать экзистенциальный аспект его нарратива, выявить скрытые взаимосвязи и получить ответ на порою парадоксальные данные. Я полагаю, что более богатого материала для социологического анализа, чем человеческая личность в совокупности ее социальных свойств, попросту нет. Именно качественный метод применяется для анализа подобных информационно насыщенных случаев [2]. Понятие репрезентативности в качественных социологических исследованиях иное, нежели в количественных опросах. Один из основных критериев валидности в качественной методологии – теоретическая насыщенность данными. Так, в процессе обследования обнаружилась содержательная, смысловая схожесть дискурсов большинства объектов наблюдения по основным тематикам интервью: единая структура смыслов присутствовала и была распределена пропорционально во всей совокупности респондентов. Эвристический, интерпретативный характер концептуализации данных, полученных в ходе глубинных клинических интервью, относится к достоинствам качественного метода в социологии и смежных науках. Если в количественных исследованиях репрезентативна выборка, то в качественных, можно сказать, – сами концепты и понятийные конструкты.

Полуструктурированное интервью – метод наиболее мягкий, подходящий для выяснения сущностных субъективных, многозначных, нелинейных характеристик того или иного социального феномена, в данном случае субъектности человека труда. Клинический характер глубинного интервью как особого социологического метода сбора эмпирических данных обусловлен повышенной проникающей, зондирующей способностью данного метода в структуру мотивов, желаний, потребностей, ценностных императивов респондентов, порою ими не осознаваемых (или не осознаваемых целиком), зафиксировать которые посредством массового анкетного опроса зачастую не представляется возможным [3]. Сам предмет моего исследования, располагаясь на инфрасоциальном уровне, диктовал выбор адекватного инструментария, чувствительного к тонким флуктуациям человеческой субъективности, в том числе в пространстве языковой саморепрезентации, дискурсивности.

В процессе осуществления данного исследования передо мной стоит задача выявить определенные рутинизированные способы и приемы, иными словами – практики, посредством которых инженеры современных российских (сибирских) промышленных предприятий конституируются (проявляются, оформляются в социальном пространстве) как субъекты своей трудовой деятельности – проявляют интенциональность по отношению к среде, социальной обстановке, системе трудовых отношений на предприятии, вступая во взаимодействие с которой, они в соответствии со своими целями, потребностями, мотивами, убеждениями меняют эту среду и при этом меняются сами. Под интенциональностью в рамках данного проекта понимается глубинная направленность субъекта деятельности на познание и преобразование социальной реальности, в том числе материальной ее стороны, а также как направленность на саморазвитие посредством разного рода личных и социальных практик. Отмечу, что интенциональность понимается мной и в рамках концепции Франца Брентано, как способность субъекта феноменологически удерживать в сознании и выражать разными способами (в том числе лингвально) объекты, вещи, процессы реального мира [4].

Исследование является продолжающимся, данный материал представляет собой результат концептуализации данных, полученных в ходе проведения первой серии глубинных полуструктурированных интервью инженеров четырех предприятий по производству машин и оборудования, металлических и строительных изделий. В обследовании приняли участие

30 человек. Индивидуальный опрос респондентов проводился в специальных местах, наиболее расположенных к доверительной спокойной беседе между респондентом и интервьюером – небольших конференц-залах на предприятиях, неслужебных помещениях, в кафе. Это исключило из процедуры интервьюирования факторы, которые могли бы помешать, если бы опрос был проведен в условиях цеха или дома у респондентов.

В ближайшие годы планируется проведение очередных серий интервью за счет расширения сети обследуемых предприятий и количества респондентов. Все интервью являются анонимными, работникам и руководителям промышленных предприятий мной было дано обязательство о неразглашении как персональных данных респондентов, так и названий предприятий. На начальном этапе формирования выборки отбор респондентов носил интенсивный характер – выбирались наиболее информационно содержательные случаи, проливающие свет на коллизии становления работников заводов инженерами и субъектами труда, в том числе с учетом их биографического и профессионального бэкграунда; далее отбор схожих случаев осуществлялся также по методу снежного кома – работники рекомендовали нам в качестве респондентов сотрудников других промышленных предприятий.

Структура гайда глубинного клинического интервью была поделена на блоки вопросов, призванных осветить феноменологическое содержание различных слоев сознания респондентов, насыщенных представлениями о некоторых сторонах их трудовой, частной и общественной жизни.

Теоретико-методологическим основанием исследования является постструктурализм с его установкой на языковой и текстуальный характер социальной реальности, на становление субъекта в режиме дискурсивного проекта при одновременной его укорененности в реальном, материальном пространстве жизни.

Генеалогия субъекта в постструктурализме

Для представителей этого континентального социально-философского направления «субъект» представляет собой феномен, конституирующийся в языке, а точнее в способах, которыми субъект реальной практической деятельности сигнифицирует, обозначает себя в языке – дискурсе – как системе высказываний, являющейся символическим выражением наличной системы социально-экономических отношений и доминирующих типов рациональности. Язык всегда погружен в реальное. Сам язык рассматривается как один из базисных социальных институтов [5]. При этом язык в постструктурализме не представлен как нечто эфемерное или абстрактное – переход языка как некоторой глубинной символической структуры в состояние живого социального дискурса, совокупность общественных текстов возможен за счет говорящего субъекта, преобразующего материю лингвистических знаков в сложную систему высказываний, имплицитно заключающую в себе всю биологическую и общественную природу говорящего: его физиологические потребности, мотивы, убеждения, цели, ценности, экзистенциальные страхи, надежды, констелляцию жизненных смыслов. Социосемиотика, в частности, фокусируется на порою скрытых, неосознаваемых, но при этом фундаментальных для всего «механизма» становления субъекта процессах взаимодействия биологического уровня личности с пространством культуры того или иного общества через систему и особенности языка. Субъект выступает тем связующим центром, в пространстве которого происходит рождение всего конгломерата современной культуры. Он осуществляет «сцепку» природного и социального, биологического и символического. Свои биологические нужды субъект реализует в пространстве знаков и символических значений той культуры, в которой ему выпало жить. Совокупность знаков, высказываний, дискурсов преобразуется в общий метатекст, чтение которого и составляет основу ремесла социолога-семиотика.

Следует отметить, что у наиболее ярких представителей постструктурализма в общественных и гуманитарных науках субъект не является исходным основанием человека. Ему всегда предшествует нечто досубъективное: «машина желания» у Делёза, «эпистема» у Фу-

ко, «хора» как динамическая совокупность влечений, пространство эмоций, связанное с инстинктами, у Кристевой. В конце концов, у Лакана субъект есть не более чем симптом. В этом смысле проект постструктурализма направлен на изучение «симптоматики» субъекта, его деконструкцию с целью выявления скрытых (расположенных за пределами концептуальных клише языка науки) сил и механизмов, в пространстве которых рождается субъект. С этой точки зрения субъект – это процесс самостановления индивида как общественной единицы, возникающий на пересечении бессознательных влечений, желаний, сил, с одной стороны, и социальной структуры, с другой. Пространство промышленного производства как реальное физическое пространство определяется работниками через символическое пространство знаков – мифов, по версии Барта (ручной и умственный труд, престижность, производительность, денежность, знание, властность). Интенционально связывая в своем сознании и речи два уровня реальности – материальный (реальный) и символический, инженер становится субъектом в дискурсивном выражении, речи, пространстве языка. Вся совокупность саморепрезентации работников предприятий посредством символического оформляется далее на уровне дискурса в один общий конгломерат воображаемого, – говоря языком Кристевой, фантазмического, – через призму которого инженеры воспринимают самих себя в границах институционального контекста труда. На уровне сознания субъекта труда, работника предприятия этим пространством воображаемого и является вся система общественных отношений на предприятии по поводу реального промышленного производства товаров. Субъект – это место «пристежки» реального к символическому и через него к воображаемому. Так, Лакан использует для описания триединства реального – символического – воображаемого концепцию барромеевых узлов, трех сходящихся кругов [6]. Таким образом, все общественное пространство, социальное рассматривается в социосемиотике как совокупность текстов, мифов – как метатекст. Как любой текст, созданный при помощи специфического языка, общественный опыт субъектов становится читабельным.

Юлия Кристева, на чью концепцию становления субъекта я во многом опираюсь, деконструирует традиционное социологическое понятие «индивид» в понятие «дивид», подчеркивающее процессуальный характер становления субъекта [7; 8]. Постструктурализм оспаривает концепт субъекта как монады, или неделимого интегративного единства человеческого сознания, фундируя утверждение о перманентном пребывании субъекта в режиме процессуального аутопоэзиса, осциллирующего, колеблющегося с различной степенью интенсивности на линии схождения биологического уровня инстинктов и конвенционального уровня общественного бытия, представленного в символах и знаках культуры. Инстинкты и культура связываются субъектом через систему знаков, воспроизводимую субъектом в языке. Артикулируя то реальное, биологическое, физическое, с которым работнику приходится взаимодействовать в рутинных ежедневных практиках, на языке культурных кодов, субъект создает свою систему представлений – текст как совокупность сообщений о социальной реальности, в частности такого ее аспекта, как промышленное производство. Язык объединяет события жизни в общую логическую систему реально проживаемых представлений и «фантазмов» (мифов), ибо они представляют собой реальное содержание сознания личности. С помощью методологии социосемиотики становится возможным этот текст прочесть, понять механизм смыслообразования в конкретном социальном контексте [9].

Через деконструкцию языка субъекта промышленного производства выявляется механизм самого промышленного производства, структура ролей участников промышленного труда, их реальное место в пространстве бинарных диспозиций: производительных сил и капитала, власти и подчинения, конкуренции и кооперации, модернизации и стагнации. Коллизии в пространстве между этими бинарными оппозициями рассматриваются сквозь призму участия в них субъектов труда с точки зрения того, каким смыслообразующим содержанием они их наделяют, феноменологически обосновывают. Оспаривая презумпцию логоцентричности речи субъекта, мы тем самым деконструируем двойственную структуру социального пространства – приводим в состояние инверсии (переворачивания, наложения) противоположные значения, понятия, явления как они даны в языке социологии, дабы конденсировать

из них множественность значений в противовес бинарным структурам. А следовательно, и плюральность реальных практик, не тяготеющих исключительно к какому-либо одному «сильному» полюсу в бинарной структуре означающих и практик в сфере труда.

Отметим, что процесс производства значений с последующим наделением их функцией социального мифотворчества во многом предопределен реальным материальным миром [10]. Однако по мере развития производственных отношений система значений, текстология труда, становится доминантной по отношению к реальному производству, оформляется как означающее, отсылающее к реальной сфере производства как означаемому, – этот посыл отличает постструктурализм и феноменологическую традицию социологии от марксизма и структурного функционализма. Так, в своем фундаментальном труде «Символический обмен и смерть» Жан Бодрийяр показывает, что производственные отношения тождественны фрейдистскому бессознательному, а марксистская надстройка есть область воображаемого [11]. Соответственно он полагает, что область символического (знаки) управляет производством, при этом знаки как символическое выражение реальных процессов утрачивают свои референты в области конкретной трудовой деятельности. Труд становится поэтому не тем, что реально производит, а тем, что социализирует, – труд и эксплуатация рассматриваются им как отсроченная смерть – добывание хлеба насущного через труд вызвано необходимостью кормить себя и семью. В диалектике раба и господина Гегеля директор предприятия – «господин», присваивающий себе чужую смерть (рабочего), откладывающий ее.

Переход, шифтинг биологического, пульсирующего инстинктами примордиального спектра дивида в разряд общественных отношений становится возможным через сигнификацию этой материальности в языке. Будучи социальным институтом, язык посредством системы значений предписывает индивидам (дивидам) роли и функции, интеризуемые ими. В этом проявляется логоцентризм культуры. Однако именно в языке субъект способен преодолеть ограниченность внешними силами, любые виды экстернальной каузальности и открыться новому социальному опыту. Впрочем, этот опыт может быть определен и при помощи понятия «симуляция» (подобие, копия без оригинала), родственного понятиям «миф» и «знак». На смену одной модели реальности приходит другая, материально менее детерминированная. Сенсорно воспринимая как основание опыта некоторый материальный эквивалент, субъект, инициирует феноменологическое обживание реального объекта в своем сознании и вводит его в пространство познания и реальных практик, вытесняя, тем не менее, этот объект впоследствии за счет движения по направлению к идее этого объекта, эталонному образу, идеальному субъекту, связанному с символическим измерением этого объекта в его представлениях. Эта субъективная траектория конституируется субъектом за счет включения материального объекта в реальный опыт познания и деятельности, а затем за счет отрицания, негации этих материальных, физических предпосылок в порядке языка. Имеет место трансформация означающего в структуре знака. Барт называет этот процесс созданием мифа, в терминологии Лотмана – это перекодировка: «…значение возникает в тех случаях, когда мы имеем хотя бы две различные цепочки-структуры. В привычных терминах одну из них можно определить как план выражения, а другую – как план содержания. При перекодировке между определенными парами элементов, разными по своей природе, будут устанавливаться соответствия, причем один элемент в своей системе будет восприниматься как эквивалентный другому в его системе. Подобное пересечение двух цепочек структур в некоей общей двуединой точке мы будем называть знаком, причем вторая из цепочек – та, с которой устанавливается соответствие, – будет выступать как содержание, а первая – как выражение» [12. С. 46]. Так, социальные практики представляют собой у постструктуралистов, процесс трансформации сферы реального в воображаемое, перекодировки плана содержания в план выражения. *При этом данное воображаемое подлежит реальному проживанию индивидами в границах конкретных социальных отношений, субъект ситуирует (размещает) себя посредством дискурса в социальных практиках.* Этот процесс «перекодировки» реальности в текст, позволяет объяснить то, как нехватка материальных и технологических ресурсов в промышленном производстве, становится, тем не менее, ключевой предпосылкой ста-

новления нового социального субъекта, не связанного, не довольствующегося наличным уровнем материального существования. Воображаемое выполняет рекреационную функцию по отношению к личности (дивиду) – субъект остается социально активным в условиях, которые на уровне реального должны были бы его социальную активность остановить. Субъект ситуируется в социальном пространстве за счет преодоления материального предела, сначала поглощая его сознанием, а затем выталкивая, отрицая его на уровне практик: трудовых, символических, языковых. В пространстве дискурса данный предел воплощает собой идею горизонта, знаменующего пространство схождения «земли» и «неба» (означающего и означаемого), в отношении которого социальная личность осуществляет свое движение, достичь который, однако, она никогда не может, иначе это означало бы полный крах: реальное – жестоко, разрушительно и превосходит резистентные силы дивида – он нуждается в защитном коконе воображаемого (идеологии), охраняющего его от вторжения разрушительной реальности. По версии Дерриды, потребность в определении горизонта знака бесконечна, «поэтому значение никогда до конца не понято». Как и у Хайдеггера, у Дерриды знак, строго говоря, «нужно всегда "подчищать" как не адекватный. Следовательно, не только знаки, но и человеческие "Я" должны постоянно сменяться. "Я" – это скорее неопределенное следствие, чем устойчивое ядро, и единственный источник лингвистических и мысленных действий» [13]. Таким образом, социальная позиция субъекта переопределяется его движением в последовательности связанных по смыслу означающих – синтагме – цепи социальных действий. Переходя от одного означающего к другому, дискурсивное самоопределение субъекта труда в системе производственных отношений меняется, по типу того, как меняется роль подлежащего и смысл всего предложения в случае изменения сказуемых.

Пояснить этот трансгрессивный переход (переопределение означающего) позволяет довольно показательный пример, называемый Юлией Кристевой, ни больше ни меньше, как семиологией Иоанна. Интерпретируя Евангелие от Иоанна как текст, ситуирующий субъекта чтения в пространстве и времени повествования его автора, Кристева показывает, как происходит «подчинение» субъекта власти «верховного» означающего (или, говоря языком Альтюссера, интерпелляция субъекта властной инстанцией), пролонгирование чувственной стороны бытия субъекта в пространстве знака и речи.

Сигнификацию (означивание) вслед за Кристевой мы будем понимать как «деятельность, связанную с дифференциацией, стратификацией и сопоставлением, которая практикуется в языке и располагает на пути говорящего субъекта цепь коммуникативно… структурированных означающих» [8. С. 10].

Знаки на пути субъекта

Итак, «…Иоанн вступает в семиологический спор. Его повествование начинается с уподобления чудес, совершенных Иисусом, тем магическим знамениям, которые послужили основанием веры для верующих, живших в дохристианскую эпоху (манна небесная. – *В. К.*). Однако Иоанн переосмысливает эту магию, чтобы вписать ее в контекст другого понимания веры» [7. С. 289].

Кристева прослеживает метаморфозы, фазы перехода субъекта – получателя дара под эгиду новых означающих: «Поначалу Иисус является волшебником: "За ним последовало множество народа, потому что видели чудеса (signes), которые он творил над больными" (Ин. 6, 2). Будучи щедро одарен определенной силой, он берет пять ячменных хлебов и две рыбы у маленького мальчика, распределяет их на пять тысяч человек и насыщает всех. Люди поверили в него: "это истинно Тот Пророк, Которому должно придти в мир" (Ин. 6, 14). Наконец, они увидели Иисуса, идущего по морю» (Ин. 6, 19) в Капернаум» [7].

Шифтинг становится возможным, когда евангелист явственно артикулирует происходящее, дублирует чувственную, сенсорную природу чудес в процессе сигнификации: «Поначалу, согласно евангелисту, знамение не является точным указателем для того, кому оно предназначено. Знамение выполняет свое назначение только в том случае, если оно отвечает

сенсорным потребностям реципиента. Стало быть, необходимо признать телесные нужды (голод, жажду), ибо, отвечая им, "знамения" получают ту силу, которая придает им статус знамений. Используя речи Иисуса, Иоанн увеличивает сенсорное дублирование знамений. Он интерпретирует эти речи как произнесенные с целью удовлетворения жизненно важных нужд: "Иисус сказал им в ответ: истинно, истинно говорю вам: вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились" (Ин. 6, 26)» [7. С. 290].

Впоследствии античный «семиолог» осуществляет *второй сдвиг* – обозначает границу, за которой начинает оформляться процесс субъективации, – проводит черту между означающим и означаемым, вытесняя материальный «объект», и замещая его знаком этого объекта: «Иоанн настаивает на том, что внешнее видение не исчерпывает многообразия вашего опыта относительно этих "знамений". Перестаньте завороженно взирать на внешнюю сторону того чуда-дара, который вы получили от Моисея дарителя. Вместо того чтобы оцепенеть, перенеситесь... чуть-чуть в сторону от самих себя. Ибо вы не просто выступаете в качестве адресата этого чуда-дара, а вы существуете. Можно сказать, что вы существуете во времени и в пространстве моего повествования» [7. С. 290]. Так, он артикулирует процесс перехода к Я и «необходимость полностью довериться этому Я: «Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6, 35) [7. С. 291–292].

Вместе с тем абсолютный субъект, будучи «сыном человеческим» пребывает в тесных отношениях с Богом-Отцом. Указание на этот факт в контексте «новой» семиологии включает в нее физическое тело и телесную генеалогию в качестве составляющих, компонентов дискурса из сферы реального: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать (sceller) Свою Отец, Бог» (Ин. 6, 27)» [7. С. 290].

Это тройная атрибуция утверждает субъектностную интерпретацию античного «семиолога»: «С открытием этого внутреннего и незримого пространства сенсорные основания семиологии Иоанна преобразуются в интенсивное символическое измерение» [7. С. 292]. Взаимопроникновение, схождение реального и воображаемого порядков, по Кристевой, совершается в опыте евхаристии.

В итоге Кристева делает заключение, определяющее для нашего исследования: «В конце концов, чудо-дар удовлетворяет и убивает нужду, с необходимостью вписываясь в ограниченность возможностей перед лицом смерти… дает новый импульс к бесконечной интерпретативной деятельности» [7. С. 293].

Понятие негации, или отрицания, используемое Кристевой, во многом схоже с социальным функционалом языковой частицы «нет», как ее понимает Вирно [14]. Использование частицы «нет» в речи, позволяет субъекту высказывания, человеку, преодолеть шокирующий, разрушающий, останавливающий течение жизни факт или событие, происходящее в действительности. «Нет» на уровне языка, снижает болевую чувствительность к травмирующей реальности, делает возможным дальнейшее пребывание в ней. Как бы самоотталкивание субъекта от травмирующей действительности разрывает цепь событий, складывающихся в ситуацию, кажущуюся на первый взгляд безысходной. Анестезирующий принцип негации в языке наглядно проявляется, например, в виде двойного отрицания при ответе на возможный вопрос «Любишь ли ты меня?»: «Я *не* говорю, что *не* люблю тебя» [14. P. 9] (пер. мой. – *В. К.*), снижая болевую чувствительность и замещая однозначный неутешительный ответ. Применительно к различным социальным ситуациям Вирно говорит о революционизирующей силе отрицания в пространстве социального дискурсивного опыта – через негацию субъект прокладывает путь по траекториям, пролегающим в пространстве доселе неизвестного. Преодоление насущного, привычного через отрицание вводит субъекта в ситуацию социального новаторства, изобретательства новых общественных практик. Развитие, становление субъекта предопределено его врожденной способностью к отрицанию, самоотчуждению, обособлению.

Техническая оснащенность как соблазн

Оборудование промышленных предприятий является основным материальным объектом, взаимодействуя с которым, работники проявляют свои профессиональные навыки и умения, преобразуют свои теоретические знания в конкретные объекты – результаты труда, товары, предметы потребления. *Потребность в качественном оборудовании – основная производственная потребность субъекта труда.* Технологическая среда предприятия дана инженеру в его распоряжение. Она удовлетворяет его потребность в труде. Надежность оборудования, соответствие производственным задачам во многом определяют характер и индивидуальный стиль труда инженеров, его производительность. Эргономичность оборудования, безопасность, комфорт в его эксплуатации также определяют отношение инженера к труду. Содержание труда, его насыщенность во многом определяются типом оборудования: принято считать, что содержание труда возрастает, становится более дифференцированным и глубоким по мере перехода от конвейерного труда, на полуавтоматах, к работе на станках, слесарной деятельности, конструированию и проектированию при помощи компьютера [15]. Идеальной является технологическая среда, способствующая полному раскрытию творческих сил инженеров, – та, которая совмещала бы в себе процессы проектирования и непосредственного промышленного воплощения замысла в рамках одного предприятия.

В исследованиях труда технологическое отставание на промышленных предприятиях характеризуются как фактор, тормозящий профессиональное развитие работников, блокирующий выпуск новых видов продукции, вступающий в противоречие с высокими компетенциями инженеров, могущих выполнять более сложную работу на новом оборудовании. На уровне предприятия техническое устаревание приводит к отставанию в конкурентной борьбе за потребителя, за рынок сбыта. Респонденты в массе своей говорят о том, что могут и желают выполнять более сложную работу, сожалеют о том, что оборудование не соответствует современным стандартам, устарело и не позволяет предприятию двигаться вперед.

> – В Новосибирске самореализоваться хороший инженер по большему счету не может. По причине отсталости оборудования. Даже не просто в городе, а во всей стране. Если, например, из нашей страны уехать в другую страну на такое же производство, например, в Германию, то придется повышать квалификацию очень сильно, чтобы там работать на аналогичной должности. А если оттуда специалист приедет к нам, то ему даже нужно будет понизить свою квалификацию.

> – Оборудование подустарело. Можно и даже нужно его уже обновлять, а у нас дирекция, как я понимаю, зависла еще во времени десятилетней давности. О модернизации как таковой речи пока не идет.
>
> И н т е р в ь ю е р : А на качестве продукции это устаревание оборудования каким-то образом сказывается?
>
> – Конечно – да!

> – По цене наши станки… в три-пять раз дешевле. Они чаще ломаются, хуже изделия выдают. Мы от них отказываемся из-за того, что они часто ломались, и из-за этого простои частые были и перебои в работе. Каждый день простоя на производстве – это супердорого.

На мезо- или макроуровне промышленного производства это, бесспорно, представляет собой колоссальную проблему, однако при более близком рассмотрении в феноменологической оптике этот факт становится не столь очевидным – на уровне субъектности человека труда эти процессы развиваются не с такой линейной закономерностью. На *молекулярном* уровне социального (понятие, введенное Делёзом), рутинной профессиональной деятельности и адаптации к сложившейся ситуации инженеры проявляют на практике и закрепляют на уровне дискурса модусы их профессионального поведения, которые все же позволяют предприятию держаться на плаву (зачастую в положении ощутимого крена), но и парадоксальным образом развиваться им как специалистам, по их мнению. Иными словами, работники предприятий оказываются перед пределом (ограниченности в технических средствах), перешагнуть через который им позволяет отрицание, негация. Во многом этот переход, преодоление обусловлено экзистенциальным страхом остаться без работы, без средств к существованию, без денег, необходимых для поддержания жизни их семей, что является, безус-

ловно, физиологическим, материальным мотивом их труда. Однако на уровне субъекта и его дискурсивной аргументации деятельности этот физиологический уровень смещается на уровень индивидуального, личностного, жизненного смысла, который имеет отношение к профессиональной самоидентификации работника, становлению автором своего жизненного проекта. Так, Жижек утверждает, что, поскольку любая символическая структура, включая идеологию, отмечена конститутивной «нехваткой», субъект пытается либо «заполнить», либо скрыть ее в надежде придать социальной жизни прочные основания [16].

Момент перехода (смещение означающего)

Дискурсивными словами-«сцепками», скрепляющими вышеописанную нехватку в технических средствах как материальный субстрат труда с его продолжением, пролонгацией в символическом измерении их субъективного опыта, выступают такие трансформирующие союзы и выражения, как «нет», «наоборот», «придумать», «заменить», «смекалка», «находчивость», «развитие», «вперед!» и др. Наиболее ярким сигнификатом – словом, выражающим процесс перехода чувственно-воспринимаемой нехватки, технического предела в порядок языка и область новых практик, является семантически насыщенное выражение «трах-бах», как некоторая бифуркационная точка, задающая начало становления нового субъекта трудовой деятельности. Иными словами, под эгидой этого смещения актуализируется дивид, в пространстве опыта которого в неслиянном единстве взаимопереходов пульсируют реальное и воображаемое.

– Текущее оборудование заменяем таким же, но просто новым, новыми агрегатами. Берем, например, участок линии и что-то делаем просто по-другому, *перестраиваем*, чтобы она работала. Просто *меняем* старый агрегат на новый, но такой же серии. Поэтому это не модернизация, я считаю. Это оборудование, которое было разработано в 90-х годах.

– У нас часто ставится задача, что нужно что-то отремонтировать, а новой детали ну просто нет. Разбираются две лежащих старых [детали] на складе, из них собирается одна, что-то там *подрезается*, *паяется*. Токарь вытачивает какую-нибудь новую форму и вперед!

– У нас, наоборот, как раз такая промышленность, что помогает очень хорошо развиваться. Потому что приходится постоянно что-то новое придумывать, как-то выходить из положения. *Преодолевать* что-то.

И н т е р в ь ю е р : То есть развитие через преодоление?

– Да, да. Если нет запчастей, нужно *придумать*, где их взять, это очень хорошо помогает развитию. Или, если оборудование старое, то нужно придумать, как его «модернизировать».

– Вот оборудование уже старенькое, хотелось бы запчасти получше и побольше разных. Иначе приходится быть очень *смекалистым*, чтобы придумать, чем сломанную деталь *заменить* и как бы сделать так, чтобы новая деталь подольше прослужила;

– Радость испытываешь, когда, например, нужно что-то новое сделать, мы все подключили, что-то куда-то протянули, *трах-бах* и оно заработало после этого. Вот в такой ситуации на пять минут испытываешь прямо радость.

Здесь мы обнаруживаем аналог семиологии «чуда пяти хлебов и двух рыб» Иоанна по Кристевой. Направление означивания также имеет определенный вектор. Скольжение субъекта по цепочке означающих *кодируется* образами «надстройки», *знаками труда* – респонденты достаточно четко артикулируют черты образа эталонного инженера, к которому они стремятся, преодолевая трудности реального характера, материальную нехватку техники – *находчивость*, *сообразительность*, *смекалка*. Как и в случае с апостольским дискурсом у Кристевой, продвижение субъекта труда ориентировано на некоторого идеального субъекта, *эталонное «Я»*, в качестве которого может выступать также значимый старший, обычно – *отец*.

– Что помогает мне развиваться, когда такая беда со старым оборудованием? Да мой собственный характер, моя смекалка, *у меня это от отца*, я всегда смогу сделать что-то по-новому, люблю учиться на том, что есть.

И н т е р в ь ю е р : Есть ли у вас идеал человека, труженика?
– *Отец*. Честность, професисонализм, *смекалка*. Я от него эти качества *перенял*.

Разговор об отцовстве инициирует новый цикл сигнификации, заново фундируемого в плоскости реального, – апелляция к отцу указывает на телесную генеалогию опыта становления субъектом, обнаруживает его погруженность в реальное. Вверяясь этому эталонному означающему (отец, идеальный образ инженера), субъект раскрывает свое темпоральное измерение, для него открывается временная перспектива личностного роста – движения к идеалу посредством техник себя: образовательного опыта и самореализации.

Самообразование и саморазвитие инженеров как фантазм?

Повышению квалификации, формированию профессиональных навыков в промышленной социологии уделяется большое внимание. Во многом это связано с идеей о том, что расширение теоретических знаний и обретение новых практических навыков труда позволяет работникам промышленных предприятий адекватно отвечать на вызовы времени – соответствовать новым способам производства, технологическим новациям, быть готовым в достаточно короткие сроки наладить линии для производства новых, более современных видов продукции. В своих высказываниях инженеры единогласны в том, что первостепенное место в структуре профессиональной деятельности и личности инженера, да и вообще работника производящей промышленности, должна занимать мотивация к познанию, усвоению новых знаний, информации и следования тенденциям развития через обогащение *теоретических представлений* в той области производства, в которой они заняты. Потребность инженеров во включенности в перманентный процесс образования очевиден, однако, с точки зрения институциональных условий их труда, в полной мере она удовлетворена быть не может – инженеры повышают свою «квалификацию» самостоятельно, без участия работодателя.

– Главное – пытливый ум. И кругозор должен быт широкий, ты должен и в физике знания иметь, и в химии, в электрике, электротехнике. Мы со всем сталкиваемся, всё должны знать, как что работает. Нужно знать принцип действия всех механизмов. Сейчас все в Интернет ушли, и я тоже в Интернет.

И н т е р в ь ю е р : Профессионально Вы развиваетесь?
– Ну да, но только за счет опыта. Что-то, если вдруг, мне не ясно, я, естественно, открою – почитаю, слава богу, у нас сейчас к Интернету доступ есть. Там вся эта литература техническая – самообразованием можно заниматься.

И н т е р в ь ю е р : Какими качествами должен обладать инженер?
– Наблюдательностью, стремлением к самообразованию, знанием не только своей специальности, кругозором.

– Самообразование. Любопытство, заинтересованность. Инженер должен постоянно следить за новостями в своей профессии, потому что все обновляется постоянно: программное обеспечение, материалы; он должен быть в курсе последних нововведений.

– С работы нас на курсы не отправляют, поэтому пополнять запасы знаний приходится самому, профессиональную литературу я черпаю в основном в Интернете.

Употребив расхожее выражение, можно сказать, что инженеры – «в тренде». Установка на обучение в целом соответствует общемировым тенденциям социального развития с точки зрения перехода в фазу «общества знаний», «информационного общества», в котором определяющим процесса производства в любых секторах экономики (сельскохозяйственном, индустриальном, постиндустриальном) становится информационный фактор [17], ситуация, в которой «воздействие знания на знание для производства нового знания, технологии» становится первостепенным способом производства в стремлении выпускать больше новых, совершенных товаров за меньшее количество трудочасов с привлечением все меньшего количества рабочей силы. Очевидно, что, со временем, представители инженерных профессий, как категория работников, производящая новое технологическое знание, будут иметь всё большее значение на производстве.

– Она [профессия инженера] всё больше будет приобретать общественную значимость. Сейчас все трындят об автоматизации, о роботизации производств. Я думаю, всё больше будет добавляться на производство инженеров, то есть тех профессий, которые обслуживают автоматику. Всё меньше будет оставаться простых профессий.

Однако повышение квалификации фактически является добровольным делом самих инженеров. Один из респондентов рассказал и вовсе о парадоксальном опыте – отправившись по заданию руководства делиться знанием и повышать квалификацию коллег на заводе, находящемся в другой части России, он оказался в противоположной ситуации, в которой ему выпала роль ученика:

– Потом у нас были внешние поездки на другие заводы, я на других заводах увидел что-то новое – тоже развивался.

И н т е р в ь ю е р : Вы развивались, повышая квалификацию на других заводах?

– Наоборот, я передавал опыт (смеется).

В качестве заключения

Таким образом, положение инженера, его расположение в реальном и символическом пространстве предприятия как субъекта труда может быть продемонстрировано с привлечением из постструктурализма междисциплинарного концепта *РИЗОМА* [18]. Ризоматичный взгляд на ситуацию может объяснить абсурдную, как кажется, ситуацию асинхронности процессов на предприятии, внутри которой развитие и становление работников инженерами труда происходит как бы по касательной в их взаимоотношениях с заводом или фабрикой: капитал достаточно цинично использует работников как рабочую силу, а они, в свою очередь, пользуются предприятием как временным плацдармом для саморазвития и заработка. Какой либо долгосрочной цели или общей корпоративной культуры в пространстве их взаимодействия не оформляется. Одновременно с этим каждый из участников этого взаимодействия служит условием воспроизводства другого: рабочая сила воспроизводит капитал, последний воспроизводит рабочую силу и т. д. Цикл промышленного производства замыкается на *воспроизводстве*, а не производстве. В нашем случае воспроизводятся капитал и производительные силы, о выпуске принципиально новых видов продукции, модернизации производства речи не идет. Как личность работник предприятию неинтересен, последнее заинтересовано лишь в его функции – производительной. Так, фактически имеет место явление, называемое Делёзом и Гваттари *детерриторизацией*, – пребывая в пространстве разрыва между наличной технической средой, предприятием и их профессиональными функциями, компетенциями инженеры *ретерриторизируются* в пространстве знака: субъект труда мигрирует в символическое пространство языка и дискурса, репрезентирующих собой фантазм реального в сознании инженера. Для наглядной демонстрации разрыва, Делёз использует образ пчелы и орхидеи, воспроизводящих друг друга на расстоянии посредством нектара и пыльцы: насекомое и растение являются условиями существования друг друга, то, что для растения является семенем, для пчелы – пища для потомства (хлеб насущный); но ретерриторизируя пыльцу, пчела также воспроизводит орхидею как вид. Дискурс пищи вновь возвращает нас к идее *цикличности* становления субъекта, игровой смещаемости означаемых, под эгидой которых конституируется субъект труда. Даже если в семиологии Иоанна хлеб символизирует перескок реальности в виде дара («…хлеб с неба дал им есть») через саму себя в сферу духовного, фантазмического («Я есмь хлеб жизни»), как на этом настаивает Кристева, она, тем не менее, коннотативно включает в себя более древнюю и не менее каноническую версию дискурса хлеба, напоминающую нам, что субъект труда учреждается в пространстве, где хлеб и является не чем иным, как означающим (символом) реального (физического) труда: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3: 19). На этой интертекстуальности дискурса труда / хлеба и построено наше исследование.

Список литературы

1. **Комбаров В. Ю.** Феномен субъекта труда на промышленных предприятиях Сибири: анализ в постструктуралистской социологической перспективе и построение типологии // Мир России: социология, этнология. 2015. Т. 24, № 3. С. 88–107.
2. **Страусс А., Корбин Дж.** Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001.
3. **Patton M.** Qualitative Research and Evaluation Methods. Thousand Oaks, 2002.
4. **Брентано Ф.** О происхождении нравственного познания. Приложение к альманаху «Метафизические исследования». СПб.: Алетейя, 2000.
5. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004. (Серия: Лингвистическое наследие XX века)
6. **Лакан Ж.** Семинары. Образование бессознательного. 2-е изд. М.: Гнозис; Логос, 2018. Кн. 5: (1957–1958).
7. **Кристева Ю.** Знамение на пути к субъекту // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск: Водолей, 1998. С. 289–297.
8. **Кристева Ю.** Семиотика: Исследования по семанализу. М.: Академический проект, 2013.
9. **Thibault P. J.** Social semiotics as praxis: Text, social meaning making, and Nabokov's Ada. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1991.
10. **Барт Р.** Мифологии. М.: Академический проект, 2010. (Серия: Философские технологии)
11. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2009.
12. **Лотман Ю. М.** Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
13. **Деррида Ж.** Большой толковый социологический словарь / Под ред. Дэвида Джери, Джулии Джери. М.: АСТ, Вече, 1999.
14. **Virno P.** Saggio sulla negazione. Per una antropologia linguistica. Temi, Bollati Boringhieri, 2013.
15. **Лоос В. Г.** Промышленная психология. Киев: Техника, 1980.
16. **Жижек С.** Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2014.
17. **Уэбстер Ф.** Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2004.
18. **Делёз Ж., Гваттари Ф.** Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория, 2010.

References

1. **Kombarov V. Yu.** The Agency of Workers at Industrial Enterprises in Siberia: A Post-Structuralist Analysis and the Construction of a Typology. *Universe of Russia*, vol. 24, no. 3, p. 88–107. (in Russ.)
2. **Strauss A., Korbin J.** Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teotiya, protsedury i tekhniki. Moscow, 2001. (in Russ.)
3. **Patton M.** Qualitative Research and Evaluation Methods. Thousand Oaks, 2002.
4. **Brentano F.** O proiskhozhdenii nravstvennogo poznaniya. Prilozhenie k almanakhu «Metafisicheskie issledovaniya». St. Petersburg, Aleteya Publ., 2000. (in Russ.)
5. **Saussure F. de.** Kurs obshchei lingvistiki. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. (in Russ.)
6. **Lakan J.** Seminary. Obrazovanie bessoznatel'nogo. 2nd ed. Moscow, Gnosis, Logos Publ., 2018, vol. 5. (in Russ.)
7. **Kristeva Yu.** Znamenie na puti k sub'ektu. In: Intenzional'nost i tekstual'nost. Filosofskaya misl Frantsii XX veka. Tomsk, Vodoley Publ., 1998, p. 289–297.
8. **Kristeva Yu.** Semiotika: Issledovaniya po semanalizu. Moscow, 2013.

9. **Thibault P. J.** Social semiotics as praxis: Text, social meaning making, and Nabokov's Ada. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1991.
10. **Barthes R.** Mifologhii. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2010. (in Russ.)
11. **Baudrillard J.** Simvolicheskij obmen i smert'. Moscow, Dobrosvet Publ., 2009. (in Russ.)
12. **Lotman Yu. M.** Struktura khudozhestvennogo texta. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. (in Russ.)
13. **Derrida J.** In Bolshoy philosofskij slovar. Eds. David Jerry, Julia Jerry. Moscow, AST, Veche Publ., 1999. (in Russ.)
14. **Virno P.** Saggio sulla negazione. Per una antropologia linguistica. Temi, Bollati Boringhieri, 2013.
15. **Loos V. G.** Promishlennya psichologhiya. Kiev, Technika Publ., 1980.
16. **Žižek S.** Schekotlivij sub'ekt: otsutstvuyuschij zentr politicheskoj ontologhii. Moscow, Delo Publ., 2014. (in Russ.)
17. **Webster F.** Teorii informazionnogo obscestva. Moscow, Aspekt-Press, 2004. (in Russ.)
18. **Deleuze G., Guattari F.** Kapitalism i shizophreniya. Anti-Edip. Tisyacha plato. Ekaterinburg, U-Factoriya Publ., 2010. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
26.03.2019

Сведения об авторе

Комбаров Вячеслав Юрьевич, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация); доцент, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

vkombarov@gmail.com
ORCID 0000-0002-3223-5125
Scopus author ID 36682560100
Researcher ID U-1415-2017

Information about the Author

Vyacheslav Yu. Kombarov, Candidate of Science (Sociology), Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Associate Professor, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation).

vkombarov@gmail.com
ORCID 0000-0002-3223-5125
Scopus author ID 36682560100
Researcher ID U-1415-2017